

I. СУТЬ ОСПАРИВАЕМОЙ СДЕЛКИ

27 декабря 2013 г. между ПАО «Транснефть» (далее также – «Транснефть» или Компания) и ПАО Сбербанк (далее также – «Сбербанк» или «Банк») была заключена оспариваемая Сделка, оформленная соответствующим Подтверждением, суть и условия которой существенным образом отличались от любых операций и сделок с производными финансовыми инструментами (далее — ПФИ), осуществляемых ранее ПАО «Транснефть» с ПАО Сбербанк и иными банками.

Банк оформил Сделку сочетанием двух беспоставочных (расчетных) валютных опционов с барьерным отлагательным условием: **опцион на продажу (пут)** долларов США, который ПАО «Транснефть» купило у ПАО Сбербанк, и **опцион на покупку (колл)** долларов США, который приобрел ПАО Сбербанк.

Право на исполнение обоих опционов могло возникнуть у каждой из сторон только в случае наступления **барьерного отлагательного условия** — если бы в любой момент в течение срока действия Сделки курс достиг бы 45 рублей за 1 доллар США.

Банк самостоятельно определил условия и премии по опционам.

ИНИЦИАТИВА заключения оспариваемой Сделки исходила от Банка.

Именно Банк сначала нашел у Транснефти «проблему» (завышенную стоимость обслуживания облигационного долга Компании по сравнению с рыночной) и сам же взялся предложить Транснефти способ решения этой проблемы.

На протяжении 12 месяцев Банк под любыми предлогами склонял Компанию к совершению Сделки. С января 2013 г. ПАО Сбербанк навязывал ПАО «Транснефть» некую стратегию, которая, по утверждению Банка, позволила бы снизить стоимость обслуживания корпоративных рублевых облигаций Компании. Такая цель сделки указывалась во всех презентационных материалах Банка.

В январе 2013 г. Сбербанк предложил Транснефти оптимизировать выплаты купонного дохода по облигациям серии БО-01 и БО-02, предлагая заключить сделку “*cheaper*” (Презентация Банка от 16 января 2013 г.), а получив отказ, настойчиво «советовал» аналогичную сделку в отношении облигаций серии 03 (Презентации Банка от 30 января, 31 мая и 22 ноября 2013 г.).

Понимая, что Сделка могла быть интересна как **средство снижения стоимости обслуживания облигационного займа**, Сбербанк на протяжении всего 2013 г. **наглядно демонстрировал и подтверждал, что Сделка позволит Компании достичь такой цели** — снизить нагрузку по обслуживанию облигационного займа:

Цитаты из презентационных материалов Банка:

- «*Осуществление намеченной цели с учетом ее масштаба имеет огромное значение*» и «*Сбербанк может это сделать!*» (Презентация Банка от 31 мая 2013 г.).

- «*Сбербанк предложил Транснефти следующую барьерную опционную структуру для снижения стоимости обслуживания облигаций*» (Презентация Банка от 22 ноября 2013 г.).

Банк настойчиво торопил Компанию с заключением Сделки, указывая на негативные последствия возможного промедления. За период с января по декабрь 2013 года руководитель инвестиционного подразделения Банка С. Видяев 18 раз встречался с менеджментом ПАО «Транснефть», убеждая в необходимости и целесообразности Сделки для ПАО «Транснефть».

Суть предлагаемой Сделки Банк описывал как «снижение процентных расходов Транснефти за счет принятия отдаленного риска конвертации номинала в доллары в дату оферты».

Никакой дополнительной информации о сути и рисках предлагаемой стратегии Банком не приводилось ни в одной из презентаций Банка. Структура же сделки, по утверждению самих сотрудников Банка, была выбрана для того, чтобы Сделка **«однозначно соответствовала»** Стандартным условиям конверсионных сделок, утвержденным НАУФОР, НВА и АРБ.

При этом разница между опционными премиями и должна была составить ту самую сумму «по сокращению расходов по обслуживанию рублевых облигаций Транснефти», которую Банк изначально провозгласил экономической целью Сделки.

На самом деле навязанная Компании Банком стратегия не была связана с рублевыми облигациями Транснефти, а по результату, влекла неограниченные риски для Транснефти.

II. НЕДОБРОСОВЕСТНОСТЬ ПАО СБЕРБАНК

На протяжении всего процесса заключения и исполнения Сделки ПАО Сбербанк действовало недобросовестно, исключительно в собственных интересах в ущерб интересам ПАО «Транснефть»:

- Банк не раскрыл все риски по Сделке в полном объеме, преподнося ее как очень выгодную для ПАО «Транснефть», позволяющую облегчить ее обязательства по выплате купонного дохода;
- Банк не раскрыл, что в рамках Сделки имеет место сочетание «экзотических», сложных опционов, расчеты по рискам и вероятности выигрыша/убытка по которым сложны даже для профессионалов финансового рынка;
- Банк навязал ПАО «Транснефть» барьерный валютный опцион с неограниченным валютным риском, задокументировав его в привычной для ПАО «Транснефть» форме — в виде двух опционов, один из которых (опцион пут), не имел никакого экономического или практического значения, за исключением того, чтобы создать видимость соответствия Стандартным условиям ISDA по валютным сделкам;
- Банк сознательно скрывал связанные со Сделкой риски для ПАО «Транснефть», представив Декларацию о рисках как формальный документ за 8 дней до даты заключения Сделки с требованием поскорее ее согласовать, несмотря на то, что сама Сделка обсуждалась в течение года;
- Банк не представил Компании расчеты размера ее возможных убытков по Сделке, опционных премий по Сделке. При этом Сделку характеризуют повышенные финансовые риски, которые с учетом ее «экзотичности» и отсутствия аналогичных сделок на финансовом рынке, непрофессиональному участнику финансового рынка, каковым являлась Компания, «очень трудно» или, как указано в Декларации о рисках Банком, даже «невозможно» просчитать;
- Банк сознательно манипулировал валютным курсом рубль/доллар в день заключения Сделки с тем, чтобы приблизить цену исполнения по Сделке к цене исполнения по договору со своей кипрской дочерней структурой исключительно для снижения собственных рисков и повышения рисков ПАО «Транснефть»;

- Банк нарушил профессиональные стандарты работы на финансовых рынках, которые предусматривают, что профессиональный участник фондового рынка не должен предлагать своим клиентам заранее невыгодные сделки или сделки, не соответствующие их деятельности. При этом Банк навязал Компании неподходящий и ненужный ей спекулятивный инструмент, который никак не связан с целью Компании по оптимизации обязательств Компании по выплате купонного дохода по облигациям;
- Банк не предпринял никаких шагов по минимизации ущерба от Сделки для ПАО «Транснефть», хотя такие возможности у Банка были, о чем свидетельствуют представленные Банком документы о прекращении сделки между Банком и SIB (CYPRUS) Limited от 13 октября 2014 г.;
- Банк нарушил принципы корпоративной социальной ответственности и законы экономической логики.
- **Банк получил сверхприбыль по Сделке, которая в 138 раз превышает понесенные Банком расходы, и вывел такую сверхприбыль в свою офшорную структуру.**

Сбербанк как профессионал финансового рынка не мог не понимать отсутствие какой-либо целесообразности для ПАО Транснефти в заключении высокорисковой сделки, влекущей неограниченный размер убытков по ней, однако, действуя недобросовестно, исключительно в собственных интересах и пользуясь доверием Компании навязал ей спекулятивную сделку в отношении заведомо не подходящего ПАО «Транснефть» сложного финансового инструмента.

2.1. Искаженное описание условий Сделки со стороны ПАО Сбербанк

Структурировав Сделку как комбинацию двух расчетных опционов, **Банк убеждал ПАО «Транснефть», что никаких расчетов по Сделке, за исключением опционной премии (которая и должна была составить цель и смысл заключения Сделки), не предполагается**, следовательно, ПАО «Транснефть» не принимает на себя никаких рисков, а **в результате обмена равноценными номиналами ни одна из сторон не понесет каких-либо негативных финансовых последствий.**

В финальной презентации Сбербанка от 22 ноября 2013 г., направленной Транснефти перед заключением Сделки, «страйк», то есть курс доллара США к рублю, по которому должна исполняться Сделка, был определен как *«spot FX/RUB «Spot» в Дату исполнения»*. Отсюда следовало, что даже случае наступления барьерного события, Транснефть просто продаст Сбербанку валюту по рыночному курсу.

Вместе с тем во внутренней презентации Сбербанка от 06.11.2017, которую Банк представил только в суд первой инстанции, и в подтверждении по Сделке от 27.12.2013 «страйк» был определен как рыночный курс доллара США к рублю в дату заключения Сделки.

В действительности **обмена номинала не происходило и не могло происходить**, а предполагался только расчет сумм платежей по обоим опционам (в случае достижения барьерного условия) по специальным формулам. При этом в Подтверждении по Сделке содержались не сами формулы, а отсылки к Стандартным условиям конверсионных сделок, утвержденным НАУФОР, НВА и АРБ.

В то же время Стандартные условия являются сложным многостраничным документом, доступным для понимания и использования в первую очередь

профессионалами на финансовом рынке, к которым ПАО «Транснефть» не относится.

На их несовершенство указывал в том числе А. Селивановский (один из авторов Экономического заключения Высшей школы экономики, которое было приобщено ПАО Сбербанк к материалам дела) в своей статье *«Некоторые соображения о „русской ISDA“»*. Он обращал внимание на сложную стилистику документа, сформулированную для применения в юрисдикции общего права, а не для российской правовой системы; неоптимальную структуру документа; избыточную многословность, что может свидетельствовать о намерении скрыть его недостатки. В результате А. Селивановский приходит к выводу, что **Стандартные условия «не позволяют создать цивилизованный внебиржевой рынок производных финансовых инструментов»**.

При этом ни в одной из презентаций ПАО Сбербанк **не были приведены специальные формулы** и сложные расчеты по Сделке, по которым в действительности должно было происходить и произошло в конечном итоге исполнение по Сделке. Отсутствовали они и в Подтверждении по Сделке.

Такое не просто упрощенное, **а искаженное и не соответствующее действительности описание условий Сделки является явным проявлением недобросовестности со стороны ПАО Сбербанк**, причем не единственным.

Компания в силу длительных сложившихся доверительных отношений с Банком воспринимала его как консультанта и доверяла его мнению и оценке. Позиционируя себя в качестве консультанта ПАО «Транснефть», Банк искаженно описывал суть Сделки, условия Сделки и правила расчета по ней.

В частности, Банк ни разу не указал, что опционные премии могут оказаться невыплаченными или то, что **риск по Сделке многократно превосходит «сумму сокращения расходов» по обслуживанию облигаций Истца**.

Банк не раскрыл для своего клиента — ПАО «Транснефть» (которое воспринималось сторонами именно как клиент Банка), тот факт, что **Сделка подвергала Компанию реальному риску получению неограниченных убытков**, не соизмеримых с теми выгодами, которые Компания могла бы получить от Сделки.

На протяжении всего процесса заключения Сделки Банк целенаправленно и последовательно убеждал Компанию в том, что навязываемая ей Сделка проста по своей структуре и схожа с иными ранее заключенными Компанией сделками с ПФИ: *«Сделка будет оформлена одним подтверждением как сочетание барьерного валютного опциона колл и барьерного валютного опциона пут. Форма подтверждения будет максимально близка ранее согласованной с Транснефтью стандартной форме, неоднократно использованной для сделок хеджирования валютных рисков»* (из письма Банка).

В то же время, условия Сделки кардинально отличались от условий всех иных деривативных сделок ПАО «Транснефть» и были уникальны.

2.2. Отличие оспариваемой Сделки от всех иных сделок Транснефти с ПФИ

В рамках реализации консервативной стратегии хеджирования валютных рисков ПАО «Транснефть» в 2011-2013 годах заключило с ПАО Сбербанк и иными банками около 80 сделок по хеджированию, причем ни одна из них ни по условиям, ни по целям не соответствовала оспариваемой Сделке.

Единственное, в чем Сделка не была уникальной — это ее документальное оформление. Банк настоял на том, чтобы высокорискованный (спекулятивный)

экзотический барьерный валютный опцион, чем в действительности, по признанию сотрудников самого Банка, Сделка и являлась, был оформлен в виде привычного сочетания двух опционных договоров, только лишь для того, якобы, чтобы Сделка однозначно соответствовала Стандартным условиям RISDA по валютным сделкам.

2.3. Искусственность конструкции Сделки

На момент заключения Сделки ПАО «Транснефть» воспринимало наличие опциона пут как неотъемлемую часть Сделки с учетом пояснений, полученных от ПАО Сбербанк, полагаясь на добросовестность последнего, а также с учетом привычности такой конструкции в свете всего предшествующего опыта в части сделок по хеджированию валютных рисков.

Банк убедил Компанию, что ей необходимо было купить у него опцион пут, в том числе потому, что это, со слов Банка *«позволяло достичь точной денежной суммы, которая требовалась Компании для снижения стоимости обслуживания облигаций»*.

Также Банк утверждал, что Сделка *«в таком формате однозначно соответствует Стандартным условиям RISDA по валютным сделкам»*.

Однако Стандартные условия не содержат указание на необходимость структурирования сделок только в качестве сочетания опционов пут и колл. Напротив, согласно условиям RISDA, можно заключать как сделки с отдельными опционами колл или пут, так и использовать их сочетание в одной сделке. В условиях RISDA не указано, что, покупая (продавая) опцион колл, необходимо или следует продать (купить) опцион пут.

В действительности, как оказалось, **опцион пут был нереализуем и не имел какого-либо финансово-экономического смысла** для ПАО «Транснефть».

ПАО Сбербанк преподносило Сделку как привычную для Истца, не отличающуюся от иных сделок с ПФИ, в результате чего ПАО «Транснефть» не воспринимало Сделку как высокорискованную.

Банк не мог не осознавать, что навязывает ПАО «Транснефть» ненужный ей, нереализуемый опцион, **за который ПАО «Транснефть» вынуждено было заплатить более 168 миллионов рублей**, что в 168 тысяч раз превышало его реальную рыночную стоимость (1 054,73 рублей по данным Блумберг).

2.4. Отсутствие надлежащего уведомления о рисках

ПАО Сбербанк должным образом не проинформировало ПАО «Транснефть» о рисках, связанных со Сделкой.

Единственное упоминание о каких-либо рисках по Сделке было сделано в Презентации от 30 января 2013 г., где **Банк указал, что риск носит отдаленный характер и представляет собой необходимость «конвертации номинала в доллары»**.

При этом Сделку характеризуют повышенные финансовые риски, которые с учетом ее «экзотичности» и отсутствия аналогичных сделок на финансовом рынке, непрофессиональному участнику финансового рынка, каковым являлась Компания, *«очень трудно»* или, как указано в Декларации о рисках Банком, даже *«невозможно»* просчитать.

При этом внутри ПАО Сбербанк риски по Сделке обсуждались как минимум с начала ноября 2013 г., что подтверждается содержанием представленной Банком в материалы дела Презентации от 06 ноября 2013 г.

Вместе с тем, в Презентации Банка от 22 ноября 2013 г. в адрес Компании не содержится ни слова о рисках. Другими словами, **Банк скрывал риски по Сделке от ПАО «Транснефть» почти до самого момента ее заключения.**

Банк направил Компании Декларацию о рисках только 18 декабря 2013 г., то есть за 8 дней до заключения Сделки с просьбой побыстрее ее согласовать как одно из формальных приложений к документации по Сделке.

Декларация о рисках не обсуждалась и не согласовывалась сторонами как ключевой документ по Сделке, хотя и должна была обсуждаться и согласовываться одновременно с обсуждением и согласованием условий по Сделке, а не отдельно с кратким комментарием, *«что этот документ подписывается клиентом при заключении сделки совместно с подтверждением».*

Ответ по Декларации о рисках ПАО Сбербанк просило уже на следующий день: *«в связи с крайне сжатыми сроками просим Вас завтра <...> подтвердить нам возможность подписания декларации о рисках».*

В самой Декларации о рисках **не предоставлено** каких-либо расчетов вероятностей и рисков по Сделке, которые **наглядно демонстрировали бы размер возможных убытков ПАО «Транснефть»** при каждом из описанных Банком вариантов исполнения по Сделке.

В Декларации о рисках Сбербанк указывал лишь, что вероятность наихудшего варианта для ПАО «Транснефть» (достижение в течение срока действия Сделка барьера в 45 рублей РФ за 1 доллар США и закрепление на этом или выше уровне на момент исполнения Сделки) составляет **9 %**.

При этом Банк приводил исключительно оптимистические прогнозы курса рубля РФ/доллара США для ПАО «Транснефть», из чего следовало, что **риски у Компании практически отсутствуют.**

Банк **сознательно использовал упрощенный примитивный подход к оценке рисков** с тем, чтобы убедить ПАО «Транснефть» **в практически безрисковом характере Сделки.**

Ни в одной из своих презентаций Банк не упомянул, что вероятность исполнения опциона колл (в пользу Банка) составляла 13,55%, а вероятность исполнения опциона пут (в пользу Истца) лишь 0,55%, то есть вероятность наступления для Компании негативных последствий **почти в 25 раз превышает** вероятность наступления негативных последствий для Банка. В первый раз данные оценки (вероятности) были отражены только в направленной за 8 дней до даты заключения Сделки Декларации о рисках, согласовать которую Банк просил за один день.

III. НАРУШЕНИЕ ПАО СБЕРБАНК СУЩЕСТВУЮЩИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ И ДЕЛОВЫХ ОБЫКНОВЕНИЙ

Сотрудники Банка на протяжении 2011 — 2013 гг. на постоянной основе консультировали ПАО «Транснефть», ввиду чего между Банком и Компанией сложились особые доверительные отношения, при которых Банк выполнял роль не только контрагента, но и финансового консультанта, к мнению которого Компания прислушивалась и доверяла. Исходя из принципа добросовестности, Банк был обязан приложить все необходимые усилия к тому, чтобы положения сложных финансовых инструментов были ясными, недвусмысленными и понятными любому лицу, не обладающему специальными знаниями и навыками в сфере финансов.

В отношении банков как участников финансового рынка в мировой финансовой практике были выработаны высокие стандарты добросовестного поведения, информационных и консультационных обязанностей, которые должны соблюдаться банками при заключении деривативных сделок с непрофессиональными участниками финансового рынка. В частности, данный подход подтверждается примерами из мировой судебной практики.

Например, в 2011 г. Верховный суд Германии в деле Дойче Банка вынес решение в пользу компании *Ille Papier-Service GmbH*, придя к выводу, что банк обязан действовать добросовестно и в интересах своего контрагента, предупреждая его четко и однозначно обо всех рисках, связанных с заключаемой сделкой, указывая на выгодность / невыгодность для него подобного финансового инструмента.

Данное решение также описывалось в 2011 г. в статье эксперта ПАО Сбербанк А. Селивановского, который был привлечен ПАО Сбербанк в рамках дела № А40-3903/2017 для подготовки Экономического заключения Высшей школы экономики, приобщенного ПАО Сбербанк к материалам дела.

В деле *JP Morgan Chase Bank and others v Springwell* (2008 г.) и деле *Crestsign Limited v National Westminster Bank plc and The Royal Bank of Scotland plc* (2014 г.) английские суды также подчеркивали, что банки должны проявлять заботу о своем клиенте и предоставлять клиенту должную консультацию в отношении заключаемой сделки.

Аналогичную позицию о повышенной ответственности банков перед компаниями при заключении сделок с ПФИ занимают и суды Нидерландов.

Подход российских судов соответствует зарубежной практике, что нашло отражение, в частности, в судебных актах по делу № А40-168599/15-98-1397 по иску ООО «Платинум Недвижимость» к АКБ «Банк Москвы», в которых суды признали деривативную сделку недействительной, в том числе, в связи с несоблюдением банком своих профессиональных стандартов при ее заключении.

Суды пришли к выводу, что действия банка по предложению заведомо не подходящего клиенту производного финансового инструмента, сформулированного против интересов клиента, но в интересах банка в условиях меньшей осведомленности клиента и непонимания им механизмов работы деривативов являются недобросовестными.

Аналогичная позиция о повышенных требованиях добросовестности к банкам при заключении сделок с ПФИ изложена и в Проекте информационного письма ВАС РФ «Об отдельных вопросах разрешения споров из договоров процентного свопа».

Соответственно, будучи профессиональным участником финансового рынка, обладая полной информацией о Сделке, целях ее заключения, ситуации на рынке в долгосрочной перспективе и следуя стандартам профессионального поведения на финансовом рынке, ПАО Сбербанк должно было полно и достоверно изложить ПАО «Транснефть» суть предлагаемого высокорискованного продукта, объективно описать негативные последствия Сделки и невозможность их нивелирования, и, учитывая объективную неготовность ПАО «Транснефть» к такому риску, отказаться от навязывания Сделки, а не пытаться продать ненужный и неподходящий Компании спекулятивный инструмент, сложный для понимания непрофессионалом, под видом «предоставления субсидии».

Убеждая Компанию совершить Сделку, Банк исходил исключительно из своих собственных интересов, цинично пренебрегая интересами Транснефти, фактически сделав ее заложником собственной игры на фондовом рынке за

счет денег компании со 100 % государственным участием, являющейся естественной монополией.

IV. ДЕЙСТВИЯ ПАО СБЕРБАНК В УЩЕРБ ИНТЕРЕСАМ ПАО «ТРАНСНЕФТЬ»

Навязанная Банком Сделка являлась неоправданной, необоснованной, носящей спекулятивный характер, и создающей высокие риски неограниченных убытков для Компании, нецелесообразной с точки зрения реальных экономических и юридических интересов ПАО «Транснефть» в виде снижения стоимости обслуживания корпоративных рублевых облигаций.

Указанное свидетельствует о явной недобросовестности со стороны Банка, нарушении им профессиональных принципов честности, полноты раскрытия необходимой информации и приоритета интересов клиентов.

Из представленных Банком в суд документов стали понятны действительные цели вовлечения Банком Компании в сделку: (i) получение сверхприбыли и вывод ее в офшор; и (ii) получение инструмента для хеджирования рисков группы Сбербанк от спекулятивной игры на международных финансовых рынках.

4.1. Вывод денег в офшор

Пытаясь хоть как-то оправдать свои недобросовестные действия по Сделке, Банк в настоящий момент указывает, что понес «сопоставимые» с полученным по Сделке расходы при хеджировании своих рисков по Сделке. В качестве доказательств таких «расходов» по хеджированию Сделки Банк представил:

- более 100 страниц выписок из распоряжений о постановке на учет конверсионных сделок и реестров конверсионных сделок, якобы, в обоснование дельта-хеджирования своих рисков по Сделке, и
- подтверждения по сделкам между ПАО Сбербанк и его 100% дочерней структурой SIB (CYPRUS) Limited в качестве доказательства хеджирования по принципу “back-to-back”.

Эти документы несколько не подтверждают «сопоставимые» расходы Банка, а, наоборот, со всей очевидностью демонстрируют истинные цели навязывания Банком Сделки ПАО «Транснефть».

Сделка между ПАО Сбербанк и SIB (CYPRUS) Limited является чем угодно, только не способом хеджирования рисков ПАО Сбербанк из оспариваемой Сделки.

Во-первых, учитывая ничтожную вероятность раскрытия опциона пут и отсутствие каких-либо негативных последствий для Сбербанка по условиям опциона колл, у Банка отсутствовали какие-либо риски по Сделке, которые следовало хеджировать зеркальными сделками (сделками по принципу “back-to-back”).

Во-вторых, хеджирование или страхование рисков не может осуществляться между материнской и дочерней компанией. Это есть не что иное, как перекалывание риска, а вернее выгод от Сделки, с Банка на ее кипрскую структуру.

В-третьих, все расчеты между Банком и его кипрской дочерней структурой SIB (CYPRUS) Limited не могут являться подтверждением расходов Банка, поскольку все внутригрупповые сделки не учитываются при составлении консолидированной отчетности Банка — в таком случае все полученное ПАО Сбербанк по Сделке от ПАО «Транснефть» составляет сверхприбыль Банка.

В-четвертых, номинал сделок с SIB (CYPRUS) Limited был выше, чем номинал оспариваемой Сделки. Данное обстоятельство также приводило к тому, что Банк в случае достижения барьера по сделке с SIB (CYPRUS) Limited вынужден был бы выплатить своей дочерней структуре больше, чем ПАО «Транснефть» Банку по оспариваемой Сделке.

В-пятых, оспариваемая Сделка является расчетным опционом, сделки же с SIB (CYPRUS) Limited — поставочными. Хеджирование рисков по расчетному опциону путем заключения якобы «зеркального» поставочного опциона не может отвечать признакам разумности и соразмерности.

Таким образом, сделка с SIB (CYPRUS) Limited не могла хеджировать риски Банка по оспариваемой Сделке (учитывая, что такие риски отсутствовали). Следовательно, сделка с SIB (CYPRUS) Limited, которое является 100 % дочерним обществом ПАО Сбербанк, является отнюдь не «зеркальным» хеджированием несуществующих рисков, а реальным инструментом по выводу в офшор сверхприбыли, возникающей у ПАО Сбербанк в случае наступления барьерного условия, а точнее, денег, незаконно изъятых у компании со 100% государственным участием.

4.2. Страховка собственных рисков ПАО Сбербанк за счет ПАО «Транснефть»

Детальный анализ представленных ПАО Сбербанк документов, а также разъяснений, содержащихся в Экономическом заключении НИУ ВШЭ, позволяет сделать еще один вывод: Сделка была навязана Банком ПАО «Транснефть» с целью получения своеобразной страховки для игры Банка (через дочернюю структуру SIB (CYPRUS) Limited) на рынке производных финансовых инструментов.

Сделки ПАО Сбербанк с SIB (CYPRUS) Limited создавали для Банка значительный риск открытой валютной позиции, которую Банк, вполне естественно, решил застраховать. И в качестве такой страховки была использована Сделка с ПАО «Транснефть».

Именно этим и объясняется то, с какой настойчивостью Банк на протяжении года подталкивал ПАО «Транснефть» к заключению Сделки. И, в итоге, Сбербанку удалось убедить Транснефть практически бесплатно выдать Банку своего рода страховку огромного риска, связанного со спекулятивной игрой на валютном рынке.

При Сбербанк не сообщил Компании о своей истинной цели. Банк не уведомил Транснефть о необходимости самостоятельного хеджирования рисков, возникающих из Сделки, что, по утверждению экспертов самого Банка, является требованием ЦБ РФ для банков в отношении сделок с открытой валютной позицией и логично к осуществлению и иными компаниями при наличии соответствующей возможности.

Банк не уведомил ПАО «Транснефть», что Компания, не будучи профессиональным участником финансового рынка, не сможет перестраховать или минимизировать свои риски из Сделки и что такой риск целиком и полностью останется на ПАО «Транснефть».

В результате заключения Сделки между Сбербанком и Транснефтью дочерняя структура Банка — SIB (CYPRUS) Limited, получила финансовый инструмент для совершения спекулятивных операций на финансовом рынке, а в случае наступления барьерного условия ПАО Сбербанк получало сверхприбыль, условия для вывода

которой за пределы финансового пространства РФ были заранее созданы Банком с использованием своей офшорной структуры.

В действительности вся полученная Банком сверхприбыль по Сделке (более чем 1 млрд. долларов США) осталась в рамках Группы Сбербанк, правда за пределами финансового пространства Российской Федерации.

V. ПРОДОЛЖАЮЩАЯСЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОСТЬ ПАО СБЕРБАНК

5.1. Недобросовестность ПАО Сбербанк при исполнении Сделки

В августе-сентябре 2014 г. курс доллара США к рублю РФ начал непрерывно повышаться и уже в октябре 2014 года мог превысить установленный в Сделке барьер (45 рублей РФ за 1 доллар США).

В марте 2014 года Банк предложил ПАО «Транснефть» провести реструктуризацию оспариваемой Сделки с повышением барьерного курса до 50,35 рублей РФ за 1 доллар США в обмен на заключение еще одной сделки – процентного свопа. Впервые Банк предложил повышение барьера до 50-52 рублей.

В итоге реструктуризация была проведена 26 сентября 2014 г.

Предлагая реструктуризацию в сентябре 2014 года на условиях марта 2014 года, ПАО Сбербанк как профессионал на финансовом рынке не могло не осознавать, что с учетом сложившейся ситуации на внутреннем рынке РФ и с учетом геополитической обстановки (объявление и сохранение секторальных санкции, понижение международного рейтинга России, введение Россией эмбарго, снижение цен на энергоресурсы и пр.) реструктуризация Сделки в сентябре 2014 г. на условиях марта 2014 г. являлась заведомо невыгодной для ПАО «Транснефть» и недобросовестной со стороны Банка.

Тем самым Банк формально проявил добрую волю, в то же время такое техническое поднятие барьера в существующих на тот момент экономических и геополитических реалиях фактически не влияло и не могло повлиять на неизбежность раскрытия опциона колл в пользу Банка.

Более того, на момент осуществления реструктуризации Банк указал, что вероятность достижения курсом рубля к доллару США значения 50,35 рублей РФ за 1 доллар США составляет всего 10 % при реалистичном прогнозе по результатам анализа рынка 35%-40%. При этом Банк опять не счел нужным обсуждать с клиентом риски, ограничившись оговоркой, что **необходимость в таких действиях отсутствует.**

5.2. Финансовый результат Сделки для ПАО «Транснефть»

В результате недобросовестных действий ПАО Сбербанк ПАО «Транснефть» вынуждено было выплатить в пользу Банка 66 954 098 108,37 рублей. **Платеж ПАО «Транснефть» по опциону колл более чем в 138 раз превысил сумму «субсидии»,** которую ПАО Сбербанк фактически выплатило ПАО «Транснефть» в качестве опционной премии. Прямой действительный убыток ПАО «Транснефть» по Сделке составил 66 471 495 368,64 рублей, с учетом фактически полученной от ПАО Сбербанк опционной премии (482 602 739,73 рубля).

Утверждение ПАО Сбербанк о том, что убытки у ПАО «Транснефть» отсутствуют, и Компания просто «поставила» ПАО Сбербанк валюту по «заранее определенному курсу», абсурдно, и в очередной раз подчеркивает недобросовестность Банка.

Если следовать этой логике, получается, что в декабре 2013 года Банк предложил ПАО «Транснефть» продать ему 2 млрд долларов США за 40 млн долларов США (размер опционной премии в долларах по курсу на день заключения Сделки). Но даже эта абсурдная трактовка Сделки, хотя она никогда и не заявлялась Банком во время заключения Сделки, показывает, что убытки ПАО «Транснефть» в результате недобросовестных действий Банка в 50 раз превышают размер обещанной «субсидии».

Таким образом, фактически полученная «субсидия» в размере 482 602 739,73 рубля обошлась Компании в 66 954 098 108,37 рублей.

Верховный Суд РФ в Определении от 29 марта 2016 г. № 83-КГ16-2 установил, что встречное предоставление по возмездному договору «не должно приводить к неосновательному обогащению одной из сторон либо иным образом нарушить основополагающие принципы разумности и добросовестности, что предполагает соблюдение баланса прав и обязанностей сторон договора... Таким образом, встречное предоставление не может быть основано на несправедливых договорных условиях, наличие которых следует квалифицировать как недобросовестное поведение».

Очевидная несоразмерность результатов по Сделке свидетельствует о несправедливости ее условий, неразумности, недобросовестности и нарушении баланса интересов сторон.